

ФИЛОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 82

DOI 10.37724/k2353-7491-4318-j

Мотив собрания в сатире М. А. Булгакова

Наталья Владимировна Долгова

Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина,
г. Рязань, Российская Федерация, n.dolgova@365.rsu.edu.ru

Аннотация. В статье приводится анализ структуры и функционального назначения мотива собрания в художественном мире М.А. Булгакова. Целью работы является определения объема понятия данного мотива и характеристика его роли в сатирическом начале булгаковских произведений. Методологическую базу исследования составили структурно-функциональный и системный подходы. В исследовании использованы такие методы, как наблюдение, описание и анализ.

Указывается, что мотив собрания является органичной частью комического модуля булгаковских текстов. Разбирается образ оратора/выступающего/председательствующего, который наделен чертами сатирического объекта. Отмечается, что сатирической тональностью данный образ отмечен как в раннем творчестве писателя (фельетонах, сатирических повестях 1920-х гг.), так и в поздних произведениях. Сатирическим осмеянием наделена и перцепция алгоритмов собрания, традиций и процедур его проведения.

Мотив собрания участвует также в реализации сюжетобразующей функции в ее кульминационном аспекте, маркирует топосы произведений, характеризуя таким образом особенности хронотопа, выявляет ценностную ориентацию персонажей.

Ключевые слова: Русская литература XX века, сатира, Михаил Булгаков, мотив, персонаж.

Для цитирования: Долгова Н.В. Мотив собрания в сатире М.А. Булгакова // Русская филология и национальная культура. 2024. №1(10). С. 20-29. DOI 10.37724/k2353-7491-4318-j Доступно по ссылке: <https://filolog-rgu.ru/wp-content/uploads/st2-2024.pdf>

Original article

УДК 82

DOI 10.37724/k2353-7491-4318-j

The motif of the assembly in the satire of Mikhail Bulgakov

N.V Dolgova

Ryazan State University named for S.A. Yesenin,

Ryazan, Russian Federation, n.dolgova@365.rsu.edu.ru

Abstract. The article provides an analysis of the structure and functional purpose of the motif of the assembly in the literary works of Mikhail Bulgakov. The aim of the work is to characterize the motif and its role in the satire of Bulgakov's texts. The methodological basis of the study was made up of functional and systematic approaches. The research uses methods such as observation, description and analysis.

It is indicated that the motifs of the assembly are an organic part of the comic mode of Bulgakov's texts. The image of the speaker/chairman, who acts as a satirical object, is analyzed. It is noted that this image is marked by a satirical tone, both in the early works of the writer (feuilletons, satirical novels of the 1920s) and in later works. Satirical ridicule is also inherent in the perception of the algorithms of the meeting, traditions and procedures of its holding.

The motif of the assembly also participates in the realization of the plot-forming function in its culminating aspect, marks the toposes of the works, thus characterizing the features of the chronotope, reveals the value orientation of the characters.

Key words: Russian literature of the 20th century, satire, Mikhail Bulgakov, motive, character.

Введение. Как справедливо указано М.Л. Гаспаровым в отношении романа «Мастер и Маргарита», булгаковскому миру присуща «техника лейтмотивного построения» [4, с. 30]. Структура мотивов Булгакова не раз становилась объектом пристального научного внимания, например, в исследованиях Е.А. Яблокова, В.В. Химич, Б.В. Соколова, О.В. Бердяевой и т.д. Комический потенциал произведений писателя осмысливался в работах В.В. Новикова, В.И. Немцева, В.И. Сахарова, А.Ф. Петренко и другими.

Наблюдения показывают, что мотив собрания является частью системы образов и сохраняет присущий булгаковской эмоциональной палитре комический характер. В объем данного мотива можно с полным правом включить собрания на производстве (плановые и внеплановые, посвященные праздникам,

профилактические и т.д.), общее собрание жильцов дома, рекреационно-развлекательные собрания (ужин, литературный вечер, представление), собрания членов ассоциации или объединения и даже «собрание» портретов (каковым является, например, галерея Независимого театра в романе «Записки покойника»).

Несмотря на то, что мотив собрания не является в булгаковском мире главным, тем не менее он выполняет ряд функций, характеристика которых помогает более глубоко вникнуть в творческий замысел писателя и получить системное представление о поэтике его произведений. Данные соображения и лежат в основе определения актуальности настоящего исследования.

Целью работы, таким образом, выступает системное изучение мотива собрания в сатирическом начале булгаковских произведений. Задачами исследования являются характеристика компонентов указанного мотива, определение его роли в развитии сюжета и хронотопе произведений, выявление художественных средств и приемов, при помощи которых мотив собрания получает комическую и, в частности, сатирическую тональность.

Методологическую базу исследования составили структурно-функциональный и системный подходы. В рамках первого определяются существенные характеристики мотива и акцентируется совокупность интенций автора. Системный подход позволяет выявлять типовые структурные и функциональные модели мотива собрания в их целостности. В исследовании использованы такие методы, как описание, анализ и систематизация.

Основная часть. Как известно, собрание представляет собой присутствие членов какого-либо коллектива в одном месте и в одно время для решения или обсуждения важных вопросов. Мотив собрания в творчестве Булгакова является художественной проекцией как получивших широкое распространение реалий советской действительности (производственные собрания), так и традиционных заседаний литературных (творческих) обществ или, например, балов, ужинов и прочее. Собрание предполагает процедуру его проведения, то есть взаимосвязанную последовательность действий, некий регламент и распределение ролей (спикер, участники и т.д.).

Укажем, что, несмотря на трансформацию мотивной системы Булгакова, мотив собрания сохраняет константный характер и присутствует в ней как в произведениях 1920-х, так 1930-х гг. По справедливому замечанию О.С. Бердяевой, «если на сюжетном уровне произведения Булгакова существуют традиционно как романы, повести, пьесы, то на мотивном они складываются в целостное единство» [2, с.169]. В формировании данного мотива участвуют образы героев (оратора/выступающего/ведущего/председательствующего и зрителей/слушателей), а также образы коммуникаций и взаимодействий (то есть процедур и результатов).

Изучение данного мотива позволило обнаружить следующее.

Мотив участвует в характеристике хронотопа произведений. Метафизическое пространство собрания велико, но оно все равно ограничено границами помещения: многоквартирный дом, красные уголки, избы-читальни, квартира, помещение театра, ресторана и т.д.

Оратор/спикер/выступающий/председательствующий является, как правило, сатирическим объектом. Обличительную трактовку этот образ обретает уже в фельетонах. Комический эффект достигается при помощи пародии на текст доклада, а также на способ его доведения до аудитории. Пародируются производственный доклад, поздравительные речи, выступление «митингового» характера. Например, в фельетоне «Они хотят свою образованность показать» противоречие, лежащее в основе сатирического механизма, достигается при помощи контраста между используемой оратором заимствованной лексикой (непонятной аудитории) и речевыми ошибками: «У акул мирового капитализма одно соображение, как бы изолировать Советскую страну и обрушиться на нее с интервенцией! Они используют все возможности, вплоть до того, что прибегают к диффамации <...> Капиталистическая вандея, окруженная со всех сторон волнами пока еще аморфного пролетариата, задыхается в собственном соку» [3, т. 2, с. 284]. В фельетоне «Рассказ Макара Девушкина» реакция слушателей на доклад оформлена гиперболой и сравнением: «Что было в зале, выразить я не могу, за исключением того, что неожиданно заснул весь первый ряд, а за ним второй, как на поле сражения» [3, т. 2, с. 128]. Речь ораторов изобилует фактическими ошибками и псевдонаучными оборотами, например, в фельетоне «Электрическая лекция»: «...и все это по причине концентрации пара в котле, проходящего по рычагам к колесам так называемым поршнем по закону вечного перпетуума, открытым известным паровым ученым Уан-Степом в 18 веке до Рождества Христова при взгляде на чайник на самой обыкновенной плите в Англии, в городе Лионе» [3, т. 1, с. 404].

Гротескный характер выступлений возникает даже не вследствие недостатка знаний, а скорее как желание произнести речь в соответствии со стереотипизированными представлениями ораторов о самом докладе. Сатирический эффект усиливается, если докладчик не только несведущ, но еще и нетрезв. В фельетоне «Под мухой» описано открытие «красного уголка», когда оратор с говорящей фамилией Рюмкин обращается к собравшимся со следующей речью: «Дара-гие граждане...А равно и гражданки ...женска...ва отдела...По какому поводу собрание? Я вас спрашиваю? Которые тут смеются? Прошу их выть-тить! Гражданин председатель, вы своих обязана...зяби...зана...» [3, т. 2, с. 225]. Отметим, что в фельетонах представлен также образ нетрезвого, но знающего докладчика (например, в «Празднике с сифилисом»), причем «лихость» его речи усиливается при помощи натуралистических деталей: «Когда женщина 8 марта... Достигает половой, я извиняюсь, зрелости, <...> что она себе думает?... Единственно, о чем она мечтает в лунные ночи – это устремиться к свое-

му половому партнеру» [3, т. 2, с. 304]. Выступление спикеров лишены адекватности, их речевое самораскрытие основано на высказывании нелепостей и бессмыслицы. Такое выступление, которое можно в этом отношении назвать программным, наблюдаем и на встрече основоположников Независимого театра с Максудовым. Актер Ипполит Павлович, снабжает роман Максудова такими характеристиками, которые не оставляют сомнения, что произведения он не читал: «Э... – Эти описания южной природы... э... звездные ночи, украинские... потом шумящий Днепр... э... как выразился Гоголь... э... В особенности... э... впечатляет это описание рощи... сребристых тополей листья... вы помните?» [3, т. 8, с. 160-161]. Отметим, что здесь реализуется одна из вариаций мотива собрания – мотива вызов «на ковер», при котором спикеров множество, а аудитория представлена одним человеком.

Деятельность председательствующих/организаторов собрания деструктивна: эти герои ничуть не способствуют дисциплине мероприятий. В романе «Мастер и Маргарита» описывается «мания организации всякого рода кружков» одного из чиновников: «В течение года заведующий успел организовать кружок по изучению Лермонтова, шахматно-шашечный, пинг-понга и кружок верховой езды. К лету угрожал организацией кружка гребли на пресных водах и кружка альпинистов» [3, т. 9, с. 332]. В романе «Белая гвардия» выборы гетмана происходят в цирке. В числе организаторов – Тальберг, который руководит этой процедурой. Сатирические оценки, данные Тальбергу рассказчиком, основаны на констатации совершенной невозможности героя угадать, в каком направлении далее будет развиваться политическая конъюнктура: «<...> но события в это время в Городе не шли по прямой, они проделывали причудливые зигзаги, и тщетно Сергей Иванович старался угадать, что будет. Он не угадал» [3, т. 4, с. 59]. Не «угадывает» намерения и чаяния аудитории и Жорж Бенгальский, над чьими шутками посетители Варьете не смеются и впоследствии ничуть не жалеют о его отсутствии на сцене.

Следует отметить, что кульминационные компоненты сюжетных линий в ряде булгаковских произведений включают и сцены собрания: таковы встреча Максудова с актерами-основоположниками («Записки покойника»), сеанс черной магии в Варьете («Мастер и Маргарита»).

Слушатели/зрители, участники собрания становятся объектами сатирического обличения гораздо реже. Но осмеянию подвергаются те из них, которые органичны атмосфере собрания, например, готовы на замену свой роли на роль выступающего/председательствующего. Как правило, это знаменитые булгаковские управдомы. Например, управдом Бунша, посетив в будущем, куда он попадает вместе с инженером Рейном и вором Милославским, праздник 1 мая, которые отмечают жители Голубой вертикали, выражает недовольство внешним видом гостей: «Надел бы фрак да на общее собрание пришел бы! Вот бы я посмотрел!» [3, т. 7, с. 49].

Комической тональностью наделяется и сам процесс собрания, соотносимый с чем-то совершенно неуправляемым. На собрании события постоянно развиваются не по намеченному заранее плану, вопреки прогнозам организаторов. Так, собрание на предприятии, призванное оптимизировать производственный процесс, подвергается сатирической трактовке, если оно не решает важных задач, если порядок превращается в беспорядок, организованность уступает место хаосу. Характерным в этом отношении можно считать фельетон с двусмысленным названием «Заседание в присутствии члена». Герой фельетона старается зафиксировать ход обсуждения, но смысл последнего так и остается неясным. Диалоги героев строятся по модели *qui pro quo*: логические связи зачастую в высказываниях отсутствуют, ситуация доведена до абсурда. Таким образом, сателлитом мотива собрания выступает мотив нарочитой нелепости, искажения жизненных пропорций. Это воплощено и в сценах репетиций максудовской пьесы в Независимом театре. Нелепость совершённая соседствует с нелепостью произнесённой, поэтому мотив собрания оформлен мотивом бреда.

Процедура собрания сатирически осмысливается уже потому, что в ее рамках происходит замена системы подлинных ценностей на ложные. Обнаруживается чуждость пришедших/участвующих важным и значимым вопросам. В мотив собрания включена антитеза подлинных и ложных ценностей, носителями которых соответственно выступают Мастер-творец и люди непосвященные в силу их зависти, отсутствия талантов и т.д. Здесь уместно вспомнить и обсуждение романа Максудова (у него в квартире и в театре у Ивана Васильевича). В дискуссиях на четырех вечерах-собрания, в которых участвуют журналисты и литераторы из «Пароходства», представлен образец неконструктивной критики: «бедноват язык», «метафора не собака», «занятно, чтоб тебя черти разорвали», «твой роман не пропустит цензура»; «старик написал плохой, но занятный роман» [3, т. 8, с. 63-65]. Укажем также и на ряд героев, не имеющих отношения к писательскому творчеству и призванных указать на профанный характер критики максудовского романа: бабушка литератора, которую «портило выражение испуга, почему-то не покидавшее ее весь вечер», «нянька, спавшая на сундуке», незнакомый Максудову гость, «человек с багровым лицом, который, явившись, извинился за опоздание, объяснив, что был в Центральных банях» [3, т. 8, с. 64-65]. Как справедливо указывает Е.А. Яблоков, «основу художественного мироощущения Булгакова составляла именно гротескная коллизия законов «большого» времени и «сиюминутных» проблем эпохи» [8, с. 391].

Профанацией творческой активности можно считать и собрание писателей по поводу прибытия из-за границы литератора Измаила Александровича Бондаревского. Центральное место в эпизоде занимают истории, которые рассказывает герой торжества (впоследствии они дословно входят в сборник его рассказов «Парижские кусочки»). Вот цитаты из них: «Только смотрю – Кон-

дюков надувает щеки, и не успели мы мигнуть, как его вырвало!»; на Шан-Зализе «этот прохвост Катькин возьми и плюнь ему прямо в рыло!»; в Гран-Опера герой «вынимает руку и тут же показывает ему шиш!» [3, т. 8, с. 82]. На этих собраниях не идут творческие дискуссии, каждый присутствующий преследует свои обывательские цели: безымянный молодой человек (завсегдатай столичных тусовок) пришел отведать заливной осетрины, Егор Агапенев – пристроить на ночевку «деверя из Тетюшей», Баклажанов – поспать и т.д.

Обыденный характер носят разговоры членов правления Массолита – двенадцати литераторов, собравшихся на заседание и ожидавших Михаила Александровича Берлиоза: разговоры идут только о загородной недвижимости, о дачах: «Один в пяти комнатах в Перельгино... Лаврович – один в шести. И столовая дубом обшита» [3, т. 9, с. 205].

Процедура собрания порождает коммуникативную дисфункцию, реализованную буквально. Швондер сообщает, что он и его товарищи как «управление дома» пришли к профессору Преображенскому после общего собрания жильцов дома, «на котором стоял вопрос об уплотнении квартир дома». Аудитория театра Варьете не реагирует на шутки Жоржа Бенгальского и даже предлагает Коровьеву и Бегемоту оторвать конференсье голову. Отметим, что восприятие сцены и ораторов меняется с открытием дамского магазина, что решается при помощи парадокса: Гелла «дошла до того, что уж полностью стала тарыхтеть по-французски, и удивительно было то, что ее с полуслова понимали все женщины, даже те из них, что не знали ни одного французского слова» [3, т. 9, с. 270].

Результат организации кружка пения в городском филиале «облегченных развлечений» (роман «Мастер и Маргарита») не ведет к освоению данного мастерства, более того здесь показано, что заведующий городским филиалом ничем не управляет, а только формально может принимать участие в организации чего-либо, все в жизни решается при участии иных сил: «... хористы, рассеянные в разных местах, пели очень складно, как будто весь хор стоял, не спуская глаз с невидимого дирижера» [3, т. 9, с. 331]. Иллюзорность значения собрания имеет в романе и буквальное воплощение. Например, собрание служит лишь предлогом для Аркадия Аполлоновича Семплеярова, который вместо заседания Акустической комиссии отправляется «на Елоховскую улицу в гости к артистке разъездного районного театра Милице Андреевне Покобатько» [3, т. 9, с. 272].

Комический потенциал мотива собрания реализуется и в галерее портретов Независимого театра, образ которой создается при помощи оксюморона и алогизма: в одном ряду находятся Сара Бернар, заведующий осветительными приборами театра Севастьянов Андрей Пахомович, «сосед Севастьянова» – Мольер, актриса Людмила Сильвестровна Пряхина, Екатерина Вторая, Нерон («потому что он был певец и артист»), Грибоедов, Шекспир, заведующий поворотным кругом театра в течение сорока лет Плисов и т.д.

Решения, которые принимаются на собрании, обладают только внешними атрибутами продуманности и рациональности, но они так и остаются в рамках теоретического целеполагания. Но при попытках воплощения в жизнь данного решения они трансформируются в нарочитую нелепость, абсурд: «Общее собрание, рассмотрев ваш вопрос, пришло к заключению, что в общем и целом вы занимаете чрезмерную площадь. Совершенно чрезмерную. Вы один живете в семи комнатах». В то время как истина заключается в том, что профессор Преображенский живет и работает в семи комнатах, хочет «обедать в столовой, оперировать в операционной», «принимать пищу там, где ее принимают нормальные люди, а не в передней и не в детской» [3, т. 3, с. 65]. И если на собрании все было предельно ясно, то в практической реализации очевидны изъяны. Здесь уместно вспомнить слова Максудова о теории Ивана Васильевича, как актер должен готовить свою роль: «Я ни одной минуты не сомневаюсь в том, что теория была действительно гениальна, но меня привело в отчаяние применение этой теории на практике» [3, т. 8, с. 196].

Образ собрания выступает как символ грядущей деградации, сочетает, в соответствии с амбивалентностью булгаковского художественного мира, апокалиптическое и балаганное начала: «Пропал Калабуховский дом <...> Все будет, как по маслу. Вначале каждый вечер пение, затем в сортирах замерзнут трубы, потом лопнет котел в паровом отоплении и так далее. Крышка Калабухову» [3, т. 3, с. 70]. Как справедливо указывает А.Ф. Петренко: «Действительность, окружающая Булгакова, воспринимается им как абсурд, нелепость, хаос. Вполне закономерным поэтому видится очевидный крен булгаковского реализма в сторону гротескного типа и способа трансформации «странного» материала действительной жизни в гиперболизированно-безумный, деформированный художественный мир» [6, с. 153]. Мотив собрания выступает также символом бесцельного времяпрепровождения, маркирует хаос и беспорядок. Собрание далеко от решения насущных, реальных проблем – оно погружено в виртуальный мир цифр, демагогии, безграмотности. В мотиве собрания реализуется гротескный разрыв между целью и процессом, между заданностью и результативностью.

Юмористический вариант собрания реализован в сцене ужина у Турбиных, которые спорят на политические темы, но, несмотря на некоторое разногласие, обнаруживают единство взглядов. Но затем Шервинский рассказывает легенду о якобы выжившем царе. Комическая фигура рассказчика сообщает истории противоречивость и комическую сниженность, что отражается и на реакции собеседников. Мышлаевский пытается неудачно скаламбурить, что «известие о смерти его императорского величества несколько преувеличено». Турбин провозглашает: «Пусть даже если император мертв, да здравствует император!». А после хорового исполнения гимна «Боже, царя храни» нетрезвому

Мышлаевскому становится плохо, а Алексей Турбин клянется сам себе «никогда не мешать водку с вином» [3, т. 4, с. 74-76].

Заключение. Мотив собрания дает представление о том, что даже небольшое «смысловое пятно» в художественном мире Михаила Булгакова может, с одной стороны, нести характерные черты, присущие всему творчеству писателя, а с другой стороны, выполнять сюжетообразующую функцию, маркировать топос и обнаруживать ценностную ориентацию персонажа. Именно во время собрания происходит процедура самораскрытия героев, (в булгаковском мире чаще – саморазоблачения), которая порождает комический эффект. В его рамках реализовано сатирическое осмеяние тех героев и процессов, которые включены в алгоритм собрания.

Список источников

1. Белобровцева И.З. Кульбюс С. Роман М. Булгакова Мастер и Маргарита. Комментарий. Москва : Книжный Клуб 36.6, 2007. 492 с.
2. Бердяева О.С. Проза Михаила Булгакова : Текст и метатекст : Монография / О. С. Бердяева ; М-во образования Рос. Федерации, Новгород. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород : ИПЦ НовГУ, 2002. 172 с.
3. Булгаков М.А. Собрание сочинений: в 10 томах. М., 1995-2000.
4. Гаспаров Б.М. Литературные лейтмотивы: Очерки рус. лит. XX в. / Б. М. Гаспаров. М. : Наука : Изд. фирма «Вост. лит.», 1994. 303 с.
5. Долгова Н.В. Образ рабкора в фельетонах М.А. Булгакова как объект имплицитной сатиры // Журналистика и журналистское образование в современном мире: сб-к научных трудов. Рязань, 2009. С. 161-165.
6. Петренко А.Ф. Смеховой мир Михаила Булгакова: проза 1920-х годов [Текст]: монография / А. Ф. Петренко ; Пятигорск : Пятигорский гос. ун-т, 2017. 193 с.
7. Химич В.В. В мире Михаила Булгакова [Текст] / В. В. Химич; науч. ред. Л. Ф. Быков ; Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2003. 331 с.
8. Яблоков, Е. А. Художественный мир Михаила Булгакова / Е. А. Яблоков. М.: Яз. славян. культуры, 2001. 419 с.

References

1. Belobrovvtseva I.Z. Kulyus S. M. Bulgakov's novel The Master and Margarita. Comment. Moscow : Book Club 36.6, 2007. 492 p. (In Russ.)
2. Berdyayeva O.S. Mikhail Bulgakov's prose : Text and metatext : Monograph / O. S. Berdyayeva ; Ministry of Education of the Russian Federation. Federation, Novgorod State University named after Yaroslav the Wise. Veliky Novgorod : CPI NovGU, 2002. 172 p. (In Russ.)
3. Bulgakov M.A. Collected works: in 10 volumes. M., 1995-2000. (In Russ.)

4. Dolgova N.V. The image of rabkor in the feuilletons of M.A. Bulgakov as an object of implicit satire // Journalism and journalistic education in the modern world: collection of scientific papers. Ryazan, 2009. pp. 161-165. (In Russ.)
5. Gasparov B. M. Literary leitmotifs : Essays in Russian lit. XX century / B. M. Gasparov. M. : Nauka : Publishing house of the company "East lit.", 1994. 303 p. (In Russ.)
6. Khimich V.V. In the world of Mikhail Bulgakov [Text] / V. V. Khimich; scientific ed. by L. F. Bykov ; Ural State University named after A.M. Gorky. Yekaterinburg : Publishing House of the Ural University, 2003. 331 p. (In Russ.)
7. Petrenko, A.F. Smekhovoy Mikhail Bulgakov's world: prose of the 1920s [Text] : monograph / A. F. Petrenko; Pyatigorsk : Pyatigorsk State University, 2017. 193 p. (In Russ.)
8. Yablokov, E.A. The artistic world of Mikhail Bulgakov / E. A. Yablokov. M. : Yaz. slavyan. culture, 2001. 419 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Долгова Наталья Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и журналистики РГУ имени С.А. Есенина
e-mail: n.dolgova@365.rsu.edu.ru]

Information about the author

Dolgova Natalia Vladimirovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Literature and Journalism
e-mail: n.dolgova@365.rsu.edu.ru

Дата поступления статьи: 29.01.2024